

Пролог

— Давай еще! — оценив расстояние от заднего борта до входа в тоннель, крикнул сержант.

«Урал» проехал еще пару метров.

— Хорош! — Пархомов отошел от машины и присел на приступок в тени забора.

Водительская дверь открылась. Из кабины вылез тощий пацан в застегнутой наглухо гимнастерке. Скрипнули засовы. Задний борт с громким лязгом распахнулся.

— А ты че застыл, Ивахненко?! — гаркнул сержант, повернувшись к безучастно наблюдавшему за происходящим Виктору. — Давай шевелись! Не на панели!

Виктор натянул грубые, протертые до дыр строительные рукавицы и посмотрел в раскаленное желтое небо. Разгружать сегодня придется одному. Митяй остался в казарме ждать врача. Вчера порвался мешок с какой-то серой дрянью. Митяй надышался, и теперь его рвет черными сгустками. «Служить правительству, не щадя своей крови». Все как в присяге. Плакат висит в коридоре, если кто вдруг забыл, зачем они здесь, можно перечитать.

— Рохли нужны, товарищ сержант?

— Ты в кузов глянь, придурок, — ответил Пархомов. — А потом спрашивай.

Виктор подошел к открытому борту. Водила показал пальцем в дальний угол пустого кузова, где стояла одна-единственная желтая бочка на двести литров.

— По доскам скатывай. В сектор «А». И давай побыстрее. Мы что, до вечера здесь загорать будем? — прикрикнул сержант.

Сектор «А» находился в дальнем конце тоннеля. Триста метров в глубь скалы. Место хранения самых опасных грузов.

— Поможешь? — спросил на всякий случай Виктор у водителя. Тот с виноватым видом мотнул головой и отошел к кабине. — Понял. Без обид.

«От этих бандеролек яйца чернеют и отваливаются», — предупреждал Саня, когда они с Митяем только прибыли на объект. Саню комиссовали. Что там у него случилось с яйцами, Витя не знал, но на лице у старослужащего не было ни бровей, ни ресниц, а из кровоточащих десен зубы торчали в разные стороны, как штакетник в бабушкином заборе.

Витя подставил к борту доски, чтобы скатить бочку вниз, и залез в кузов.

Обычно на бандерольках был нарисован желтый кружок с тремя закрашенными черным секторами и надписью «Осторожно, радиация!». Реже — череп с костями и двумя молниями, напоминавшими кокарды и шевроны офицеров СС из фильма про Штирлица. Иногда указывали место отправки груза. Чаще всего это были Арзамас или Москва, Институт имени Курчатова. На этой бочке не было ничего.

Виктор отвязал груз от переднего борта. Бочка оказалась примечательна не только отсутствием маркировки. Широкие стальные обручи усиливали стенки в трех местах, а сверху не было заливного отверстия. Раскаленный от жары металл жег руки сквозь строительные рукавицы. Пришлось поднапрячься, чтобы завалить бочку набок. Верхняя ее половина была заметно легче нижней, как будто на дно опустился тяжелый осадок.

Когда Виктор подкатил бочку к краю кузова, внутри что-то зашевелилось и с силой ударило по стенке. Парень отдернул руки и отступил на шаг.

— Че, услышал? Да? — окликнул сержант. — Очко сыграло? — Его обычно уверенный и самодовольный голос прозвучал испуганно и визгливо. — Не бзди, боец. Я знаю, что тебе показалось. Но это все херня. В накладной отметка Новороссийского порта, сделанная две недели назад. Сам подумай, продержится хоть что-то живое две недели без еды, воды и воздуха на сорокаградусной жаре в железной бочке? Это от жары металл вспучился. Видишь, контейнер по-хитрому запаян. А ты думал, мы князя Гвидона привезли? Давай тащи. Быстро, но аккуратно.

Сержант его не убедил, но самообладание вернулось. Что бы там ни стучало внутри, оно было запаяно в металлический саркофаг. Виктор спрыгнул из кузова и аккуратно скатил бочку вниз по доскам.

— По инструкции я должен топать туда вместе с тобой, Ивахненко. Но я думаю, ты и сам справишься. Только не вздумай чудить.

— Это как, товарищ сержант?

— А так. Поставишь бочку и бегом обратно. Давай шевелись. Пять минут в твоём распоряжении.

Витя кивнул и покатил бочку в глубь тоннеля. Сначала подземная прохлада прибодряла его. Он шагал уверенно, быстро, выбивая кирзачами гулкие жизнеутверждающие звуки и толкая бочку вперед. Но потом коридор немного свернул вправо, и легкая тень, в которой он пребывал все это время, превратилась в густой сумрак. Звуки стихли.

Продержится хоть что-то живое две недели без еды, воды и воздуха на сорокаградусной жаре в железной бочке?

Виктор вспомнил пойманного три года назад сома, который жил еще с полчаса после того, как он выпотрошил его. Может, трепыхался бы и дольше, если бы сестра не порезала и не побросала вздрагивающие кусочки мяса на раскаленную сковороду.

Редкие, закованные в стальную сетку светильники не освещали, а скорее указывали путь. Решетчатая дверь в сектор «А» была приоткрыта. Виктор закатил бочку за ограждение и остановился около красного ящика с песком, над которым висели багор и лопата. Проходы и пожарные щиты не загораживать — главное правило работы на объекте. Вдоль всех трех стен стояли поддоны с мешками из Арзамаса и фанерные коробки. Грузоотправителя коробок Витя не помнил, но помнил, как они с Митяем тащили их сюда. Каждая весила больше центнера.

Поставишь бочку и бегом обратно.

«Куда поставишь, мудака ты хренова?» — мысленно огрызнулся Витя и еще раз оглядел забитый бандеролька-

ми тупик. Вернуться и спросить Пархомова — нарваться на обидную ругань, бросить тут — то же самое, но позже.

Рука, лежавшая на бочке, вдруг почувствовала, как что-то скребется изнутри. Виктор снял рукавицу и приложил ладонь к теплому железу. Вспучивание металла? Черта с два. Там точно было что-то живое. И довольно крупное. Намного крупнее того сомика, который продолжал жить после смерти.

Только не вздумай чудить.

— Да пошел ты, — вслух ответил Витя, присел на корточки рядом с бочкой и прильнул к ней ухом.

— Выпусти меня, — сказала ему то, что было внутри.

Часть первая

---

*Что самое плохое ты сделал в жизни?
Я не хочу говорить об этом, но я расскажу
тебе о самом плохом, что со мной случилось...
о самом ужасном.*

Питер Страуб,
«История с привидениями»

1

Хотя жена и дети спали, Игорь, закрыв дверь кабинета, провернул барашек защелки и подергал за ручку. В крохотной камерке, бывшей когда-то кладовой, едва умещались письменный стол, шкаф и легкое офисное кресло. За шесть лет владения домом Игорь запирался в кабинете дважды. Первый — когда перечитывал скопленные на покупку «Тойоты» деньги. Второй — когда плакал, узнав о смерти отца.

Он собирался начать еще вчера, после традиционного ночного блуждания по закоулкам интернета. Даже набил слово «Воспоминания» в окне текстового редактора. И вдруг понял, что так не годится. Нужна бумага. Выплеснуть на нее скопившуюся внутри скверну, а потом сжечь.

Из верхнего ящика он достал ручку, старый потрепанный журнал «Умники и умницы» и общую тетрадь на девяносто шесть листов. Днем он полчаса простоял у прилавка, выбирая цвет. Сразу исключил черный, красный и бирюзовый. Остановился на белом. Подумал, что пусть хотя бы обложка у этой мерзкой истории будет светлой. Но теперь увидел, что ошибся. Белая выглядела как кожа мертвеца.

«*Запись 1 от 21.09.2017 г.*». Игорь поставил точку и отодвинул тетрадь в сторону. Неплохо бы собраться с мыслями и еще раз подумать, как это должно выглядеть.

Сначала он все вспомнит, а потом разложит по полочкам. Методики Адамс и Прогоффа здесь не совсем подходят. Он будет писать по-своему, где-то на стыке, углубляя первую и упрощая вторую.

Не дневник, а скорее книгу воспоминаний: с диалогами, описаниями чувств и мыслей, чтобы заново пережить все то, что тогда с ним случилось. Несколько сеансов психоанализа, конечно, были бы намного эффективней. Особенно если обратиться к Перову. Но с его вдумчивым отношением к делу такая помощь будет дорого стоить. От семи до двенадцати лет тюрьмы.

Пару недель назад появились первые тонкие иллюзии, как легкий ночной туман над кладбищем. Новый зоомагазин на Ленина с плетеными птичьими клетками в витринах. Мужик с лопатой наперевес на рекламном щите рядом с парковкой. Потом намеки стали грубее. В среду в «Магните» рыжая девчонка с кем-то громко объяснялась по телефону: «Нет. Теперь никто. Просто

знакомая». А вчера в гараже на полке он обнаружил этот самый журнал, который сейчас лежал у него на столе. Сборник кроссвордов «Умники и умницы», шестой номер за две тысячи третий год.

— Это ведь не просто совпадения. Верно? — вслух спросил он себя.

Игорь повернулся к книжной полке, на которой стоял портрет-шарж Фрейда. Нос основателя психоанализа на картине одновременно являлся согнутой ногой обнаженной женщины, а густые брови — лобком. Подарок Северина на сорокалетие. Фрейд, слава богу, ничего не ответил. На этот раз. Но если все пустить на самотек, рано или поздно Фрейд заговорит, и тогда место работы превратится для Игоря в место заключения.

— Стоп. Давай без истерии, — вслух оборвал себя Игорь. — Да. Проблемы есть. Но я еще не разговариваю по телефону с инопланетянами и не копаю убежище в преддверии ядерного апокалипсиса.

Игорь взял со стола журнал и поднес к глазам.

На обложке была нарисована блондинка в очках и с карандашом в руке, выглядывающая из-за высокой стопки книг. Ее широкая улыбка по замыслу художника должна была выражать счастье от интеллектуального развлечения, но на Игоря сейчас она производила совершенно иное впечатление. Девушка злорадствовала. *Ты думал, что все позади, но все только начинается.*

Когда-то на журнал поставили то ли стакан, то ли бутылку с маслом — и на обложке осталось подковообразное пятно. Масло прошло сквозь тридцать шесть

страниц и проявилось на тыльной стороне. Что бы могло значить это тридцать шесть раз повторенное С — «СНОВА» или «СМЕРТЬ»? В любом случае, точно не «СЧАСТЬЕ».

Игорь отложил журнал, взял со стола ручку и склонился над тетрадью.

Итак, отправные пункты повествования: мои мысли, мои желания, мои страхи. И все в прошедшем времени. Разделы заведомо неравносильные, и надо будет очень постараться, чтобы последний не вытеснил остальные.

2

«Запись 1 от 21.09.2017 г.

Допустим, я болен. Тогда возникает вопрос: «Как все началось?» Не в смысле сроков и обстоятельств появления первых проблем с психикой, а в смысле причин появления этих проблем.

Прекрасно помню тот день, когда я познакомился с Шматченко в шестом кабинете. Это случилось через месяц после того, как я ушел из поликлиники и устроился в диспансер. Выходит, мне тогда было двадцать восемь.

Когда я вошел в кабинет, Шматченко уже был там. Он сидел на привинченном к полу стуле в дальнем конце комнаты, туго спеленатый в смирительную рубашку. Кстати, одна из последних смирительных рубашек в диспансере. Крепкая мешковина родом из СССР продержалась до две тысячи пятого. Ему было под семьдесят. Несмотря на худобу, это был вполне крепкий

дед. Шматченко спал. Лысая голова склонилась, подбородок касался груди. Приоткрытые губы чуть изогнулись в снисходительной улыбке, обнажив крупные желтые зубы. Я не мог работать со спящим и хлопнул дверью чуть сильнее, чем требовалось. Шматченко открыл глаза и посмотрел на меня. Глаза белые и пустые, как матовое стекло, зрачки светлые, едва различимые.

— А где Боря? — спросил он, и под тонкой пергаментной кожей старика проступили желваки. — Боря обещал принести мне соль. Они ее боятся.

Я ответил, что Савенко ушел в отпуск. Про фирменный трюк Бориса Алексеевича — перед отпуском раздавать коллегам самых безнадежных больных и не забирать их обратно по возвращении — в ординаторской слагали анекдоты. Но на тот момент я ничего об этом не знал и воспринял подлостью как проявление особого доверия.

— Мне нужен Боря, — запротестовал Шматченко, когда я сказал, что Савенко в данный момент принимает солнечные ванны где-то под Геленджиком. — Он обещал принести мне йодированную соль. В нашей воде не хватает йода. Вам это известно? Отсюда проблемы с щитовидкой. А если в воду для полива добавлять несколько капель йода, то огурцы вообще не будут болеть.

И его понесло. Помню, что в те годы я особенно был внимателен к резонерству. Пытался уловить логику мышления больного, которая впоследствии должна была помочь в терапии. Шматченко раскачивался на стуле, вновь прикрыв глаза и погружаясь в собственную болтовню все глубже и глубже. Я было

попытался его перенаправить, но безуспешно. Он меня не услышал. Случись это сейчас, я бы не стал его прерывать. Подождал бы и дал ему выговориться. Даже если бы на его разглагольствования ушел час. Хотя нет. Вру. Случись это сейчас, я бы вышел из кабинета. Выбежал из больницы. И больше никогда туда бы не возвращался.

Шматченко продолжал говорить. Я открыл папку, которую перед отъездом передал мне Борис Алексеевич, и отыскал вопросник. Бумаги выглядели странно: никаких скоб и скрепок — только клей. Привет от Ганнибала Лектора и Сары Коннор. Пройденные пункты были обведены кружком, а на противоположной стороне разворота были записаны ответы. Выглядели они даже для традиционно гнетущего бреда больных довольно зловеще.

«После смерти Вера оказалась слишком болтлива, я и пожалел, что не зашил ей рот».

«Умерла от стыда, и я похоронил ее в песочнице».

«Кажется, что на ветках висят тряпки, но на самом деле это кишки».

Еще я обратил внимание на род деятельности больного. В строке «Место работы, должность» было записано: «Народный целитель».

— Так, Олег Альбертович. Ладно. На чем вы тут остановились? — Я старался придать своему голосу невозмутимость и по-деловому обвел вопрос кружком. — Когда вы поступили в диспансер, в ваших карманах санитары нашли два собачьих глаза. Как они туда попали?

Пациент дернулся, как будто получил пулю в лоб, и замолчал. Потом зажмурился и стиснул зубы. При этом он продолжал улыбаться. Вены на шее вздулись в толщину пальца и зашевелились под кожей, как черви. Лицо побагровело. У меня мелькнула мысль, что сам Борис Алексеевич, возможно, не собирался читать все вопросы по порядку. Но дело было сделано.

— Я умею готовить отличный суп из собачьих глаз! — вдруг во всю глотку заорал пациент. — Но для этого мне нужна соль! СОЛЬ!!! Принеси мне соли или выпусти меня отсюда. Верни вещи и телефон!

Мумия — а именно на внезапно ожившую мумию Шматченко тогда стал похож — потянулась ко мне и оскалилась. Из раскрытого рта полетела слюна. Тело затряслось, словно к стулу подключили ток.

— Выпусти меня отсюда! Или я выйду сам! Прошагаю по трупам в белых халатах, вперед к светлому будущему! — Он рвался так сильно, что закрепленные к полу ножки стула больше не казались гарантией безопасности. Я встал из-за стола и попятился к двери. Находиться там было все равно что стоять перед разъяренной собакой и ждать, когда штырь, к которому привязана цепь, выскочит из земли.

— Я порежу вас всех чайной ложкой, которую мне дают за завтраком! — продолжал орать Шматченко. — Набью карманы вырванными языками! Гагарин не летал в космос, а его друг Микки-Маус работает на израильскую разведку. Слышишь ты, вонючий молокосос? Если ты сейчас же не принесешь мне соли, я вырву твои глаза и затолкаю тебе в рот!

Утром следующего дня я вручил санитару Мишке бутылку «Арарата» за то, что тот без спроса заглянул в кабинет и оборвал этот монолог тычком в нос».

3

Игорь проснулся усталым и разбитым. Ночью ему снова снилось проклятое дерево. Он сел на край кровати и подпер голову ладонями. В последнее время после пробуждения Игорь патологически медленно приходил в себя. Для себя он называл это «просыпаться», хотя понимал, что данная формулировка весьма условна.

В свете утреннего солнца ночные страхи расплывались и бледнели. Но не исчезали. Взгляд скользнул по кровати и замер. Смятая простыня на том месте, где спала жена, выглядела до дрожи знакомо. Но тогда была ночь и спальня была меньше. А снизу не доносились звон посуды и журчание воды из крана.

— Лиза, быстрее! Завтрак остывает! — крикнула из кухни Марина.

Игорь вздрогнул и посмотрел на часы. Десять минут восьмого. Опять проспал. На завтрак времени нет. Он наскоро почистил зубы и умылся. Бриться было некогда. Ладно. Щетина вполне может выглядеть как дань моде. Этакий доктор Хаус из русской глубинки.

На кухне пахло рисовой запеканкой. Марина вставала в половину шестого, чтобы успеть приготовить завтрак. Она стояла у раковины и мыла сковороду. Игорь обнял ее сзади и прижался щекой к щеке.

— Выспался? — спросила жена.

— Так себе, — ответил он, не вдаваясь в подробности, и помахал дочке рукой. — Лизуня, привет.

Лиза не ответила и отвернулась.

— Что случилось?

— Кое-кто порисовал в ее альбоме, — ответила за нее Марина.

— Да елки-палки! Когда он успел? В восемь от тещи приехали.

— Видимо, нашел время. А я ей сто раз говорила: не бросай свой альбом где попало.

— Он лежал у меня на столе! — обиженно выкрикнула Лиза.

Игорь подошел к дочери, обнял ее за плечи и прижал к себе. Лиза подняла голову и посмотрела на отца. Крупные верхние резцы и жалобный взгляд исподлобья делали ее похожей на несчастного кролика, ищущего защиты.

— Я куплю тебе новый, — пообещал Игорь.

— Не надо. Там еще остались чистые листы. — Лицо Лизы сжалось, голос задрожал. Несколько секунд она балансировала на грани плача, но сдержалась.

— Давай поторапливаться. Я подвезу.

Лиза кивнула и сделала два больших глотка чая. С ней Игорь всегда умел найти общий язык.

Дверь в мансардную комнату запиралась снаружи. Игорь отодвинул толстый шпингалет и вошел в мир патологического порядка, где существенное значение имела не только последовательность расставленных на тумбочке фигурок животных, но и угол их поворота к окну. В этой комнате время текло по своим законам —